

мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастье съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ испустить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія¹⁾.

Къ А. И. Герцену.

Спб., апрѣля 6.

Вчера записалъ, было, я къ тебѣ письмо, сегодня хотѣлъ его кончить, а теперь бросаю его и пишу новое, потому что получилъ твое, котораго такъ долго ждалъ. Признаюсь, я началъ, было, беспокоиться, думая, что и на мою поѣздку на югъ (о которой даже во снѣ брежу) чортъ наложилъ свой хвостъ. Что ты мнѣ толкуешь о важности и пользѣ для меня отъ этой поѣздки? Я самъ слишкомъ хорошо понимаю это, и ѣду не только за здоровьемъ, но и за жизнью. Дорога, воздухъ, климатъ, лѣнь, законная праздность, беззаботность, новые предметы, и все это бѣ съ такимъ спутникомъ, какъ М. С., да я отъ одной мысли объ этомъ чувствую себя здоровѣе. И мой докторъ (очень хорошій докторъ, хотя и не Круповъ) сказалъ мнѣ, что, по роду моей болѣзни, такая поѣздка лучше всякихъ лѣкарствъ и лѣчбной. Итакъ, М. С. ѣдетъ рѣшительно, и я знаю теперь, когда я могу готовиться. Развѣ только что-нибудь непредвидѣнное и необыкновенное заставитъ меня отказаться; но, во всякомъ случаѣ, я на дняхъ беру мѣсто въ маль-постъ. Вчера я именно о томъ и писалъ къ тебѣ, чтобы ты, какъ можно скорѣе, увѣдомилъ меня, ѣдетъ ли М. С. и когда именно. Вотъ почему сегодняшнее письмо твое ужасно обрадовало меня, такъ что куда дѣвалась лѣнь, и я сейчасъ же сѣлъ писать отвѣтъ, несмотря на то, что А. А. Т. ѣдетъ во вторникъ. Извѣстіе объ обрѣненіи явленныхъ 500 р.—тоже не послѣднее обстоятельство въ письмѣ твоёмъ, меня обрадовавшее. Только этихъ денегъ мнѣ не выслай, а отдай мнѣ ихъ въ Москвѣ. Оно проще и хлопотъ меньше, можетъ быть, станеть ихъ на мѣсяцъ и по пріѣздѣ въ Петерб., а тамъ—что будетъ, то и будетъ, а пока—*voilà la galère!* Нашему брату, подлецу, т. е. нищему, а не чтобы мошеннику, даже полезно иногда довѣряться случаю и положиться на авось. Дѣлать-то больше нечего, а при томъ, если такая поведенція можетъ сгубить, то она же иногда можетъ и спасти.

Ну, братецъ ты мой, спасибо тебѣ за интервью къ „*Кто виноватъ?*“²⁾ Я изъ нея окончательно убѣдился, что ты—большой человѣкъ въ нашей литературѣ, а не дилетантъ, не партизанъ, не наѣздникъ отъ нечего дѣлать. Ты не поэтъ: объ этомъ смѣшно и толковать; но въѣдъ и Вольтеръ не былъ поэтъ не только въ *Генриядѣ*, но и въ *Кандидѣ*, однако, его *Кандидъ* потягается въ долговѣчности со многими великими художественными созданіями, а многія невеликія уже пережилъ еще и больше

пережить ихъ. У художественныхъ натуръ умъ уходитъ въ талантъ, въ творческую фантазію, и потому въ своихъ твореніяхъ, какъ поэты, они страшно, огромно умны, а какъ люди—ограничены и чуть не глупы (Пушкинъ, Гоголь). У тебя, какъ у природы, по преимуществу, мыслящей и сознательной, наоборотъ—талантъ и фантазія ушли въ умъ, оживленный и согрѣтый, такъ сказать, *осердеченный* гуманистическимъ направленіемъ, не привитымъ и не вычитаннымъ, а присущимъ твоей натурѣ. У тебя страшно много ума, такъ много, что я не знаю, зачѣмъ его столько одному человѣку; у тебя много и таланта, и фантазіи, но не того чистаго и самостоятельнаго таланта, который самъ родитъ все изъ себя и пользуется умомъ, какъ низшимъ подчиненнымъ ему началомъ,—нѣтъ, твой талантъ—чортъ его знаетъ—такой же бастардъ или пасынокъ, въ отношеніи къ твоей натурѣ, какъ и умъ въ отношеніи къ художественнымъ натурамъ. Не умѣю яснѣе выразиться, но увѣренъ, что ты поймешь это лучше меня (если еще не думалъ объ этомъ вопросѣ) и мнѣ выскажешь это, такъ ясно и опредѣленно, что я закричу: *эврика! эврика!* Есть умы чисто-спекулятивные, для которыхъ мышленіе почти то же, что чистая математика, и вотъ, когда такіе умы принимаются за поэзію, у нихъ выходятъ аллегоріи, которыя тѣмъ глупѣе, чѣмъ умнѣе. Сочетаніе сухого и даже влажнаго и теллаго ума съ бездарностью родитъ камни и полѣна, которые показывала, вмѣсто дѣтей, Рея Кроносу. Но у тебя при умѣ живомъ и осердеченномъ есть своего рода талантъ; въ чемъ онъ состоитъ, не умѣю сказать, но дѣло въ томъ, что я глупѣе тебя на много разъ, искусство (если не ошибаюсь) мнѣ сроднѣе, чѣмъ тебѣ, фантазія у меня преобладаетъ надъ умомъ, и, кажись, по всему этому, такому *своего рода* таланту скорѣе слѣдовало бы быть у меня, чѣмъ у тебя (уже по одному тому, что тебѣ читать Канта, Гегелеву феноменологию и логику ни почемъ, а у меня трещитъ голова иногда и отъ твоихъ философскихъ статей), а вотъ у меня талантъ *своего рода* таланта ни больше, ни меньше, какъ настолько, сколько нужно, чтобы понять, оцѣнить и полюбить твой талантъ. И такіе таланты необходимы и полезны не менѣе художественныхъ. Если ты лѣтъ въ десять напишешь три-четыре томика, плотнѣе и порядочнаго размѣра, ты—большое имя въ нашей литературѣ, и попадешь не только въ исторію русской литературы, но и въ исторію Карамзина. Ты можешь оказать сильное и благотворное вліяніе на современность. У тебя свой особенный родъ, подъ который поддѣлываться такъ же опасно, какъ и подъ произведенія истиннаго искусства. Какъ Носъ въ гоголевской повѣсти того же имени, ты можешь сказать о себѣ: „Я самъ по себѣ!“ Дѣятельныя идеи и талантливое ихъ воплощеніе—великое дѣло, но только тогда, когда все это неразрывно связано съ личностью автора и относится къ ней, какъ изображеніе на сургучѣ относится къ выдавлившей его печати. Этимъ-то ты и берешь. У тебя все оригинально, все свое—даже недостатки. Но поэтому-то и недостатки у тебя часто обращаются въ достоинства. Такъ, напр., къ числу твоихъ личныхъ недостатковъ принадлежитъ страстнѣйша безпрестанно острить, но въ твоихъ повѣстяхъ такого рода выходки бываютъ удивительно хороши. Пиши, братъ, пиши, какъ можно больше пиши, не для себя, а для дѣла: у тебя такой талантъ, за скрытіе котораго ты вполне заслужилъ бы проклятіе.

1) Письмо это напечатано Н. Барсуковымъ со списка, принадлежавшаго А. А. Краевскому, а нынѣ хранящагося въ отдѣленіи рукописей Императорской Публичной Библиотеки.

Отвѣтъ Н. В. Гоголя на это письмо напечатанъ В. И. Шенрокъ въ „Р. Ст.“ 88 г. 7 и въ его же „Матеріалахъ для біографіи Гоголя“. Т. IV.

2) Вѣроятно, глава „Бѣлтъовъ“, которая однако, неизвѣстно по какому причинанію, попала въ О. З. 1846 г., а не къ Бѣлленскому.